

Что-то настойчиво тыкалось ему в лицо, не давая покоя и постепенно вытягивая из объятий сладкого сна. Он жмурился, пытаясь отгородиться, но назойливое нечто не унималось. Нахмурившись, с сонными розовеющими веками, он со всей силы хлопнул ладонью по лицу того, кто посмел потревожить его покой, и невнятно пробормотал:

— Отвали, Номер Один... Ну что ты каждый день из клетки сбегаешь? Клянусь, сегодня же запрю курятник на замок...

Раздражающая возня прекратилась, и Цзи Цайсюэ, перевернувшись на другой бок, спиной к свету, снова погрузился в дремоту. Однако спустя мгновение его бесцеремонно выдернули из-под одеяла. Глаза, распахнувшиеся от инстинктивного чувства опасности, были полны растерянности.

В округлых глазах юноши отразилось лицо, находившееся в опасной близости. У незваного гостя была запоминающаяся, поразительно красивая внешность: брови с изломом, уходящие к вискам, пронзительный взгляд, словно усыпанный звездами, и уголки губ, тронутые холодной усмешкой. Если присмотреться, в ней можно было заметить отчетливое издевательство.

— Брат Хань... Ты рановато сегодня, — Цзи Цайсюэ сделал вид, будто ничего не произошло, пока его мозг еще не успел окончательно проснуться. — Это что, моя наставница вернулась?

Того, кто сжимал его подбородок, звали Шэнь Хань. Он был почетным гостем, прибывшим в мир смертных из мира совершенствующихся. Сам он называл себя учеником знатного клана, но Цзи Цайсюэ казалось, что его манеры до боли напоминают тех жестоких охранников из бульварных романов, которые совершают дерзкие покушения на своих господ.

— И свадьбы-то не было, какая еще к черту наставница, — Шэнь Хань холодно усмехнулся и сжал пальцы сильнее. Лишь когда кожа в местах захвата покраснела, он отпустил его. Цзи Цайсюэ потер пострадавший подбородок и перевел взгляд на другую руку Шэнь Ханя, опущенную вдоль тела: в ней был зажат тубус для писем.

— Цзы Цзянь отправился в Юйшань. Боюсь, дело куда сложнее, чем кажется, — Шэнь Хань бросил ему тубус, откинул одеяло и, поправив полы одежды, сел на край кровати. — Просто невероятно. Реликвия из времен хаоса трех миров, случившегося три тысячи лет назад, вдруг всплыла в мире смертных, да еще так удачно попала в руки твоему учителю. Воистину, невежество порождает бесстрашие — даже такую дрянь осмелился подобрать.

Будучи «просвещенным», Цзи Цайсюэ предпочел притвориться дурачком.

Прошло два месяца с того наводнения. В тот день, шагнув в разлом, он обнаружил там рой светлячков. При их слабом мерцании он кое-как осмотрел расщелину и нашел наполовину увязший в грязи тубус, а внутри — записки Лу Вана.

Оказалось, что, спустившись с горы, Лу Ван повсюду искал известия о Чу Ляньвэе и в конце концов узнал, что в мире боевых искусств появился человек, прозванный Нефритовым Асурой.

Этот мастер возник из ниоткуда три года назад и с тех пор не знал поражений. Хотя тот предпочитал одиночество, Лу Ван, опросив побежденных им мастеров, убедился: это был именно Чу Ляньвэй, покинувший гору три года назад.

Чу Ляньвэй словно переродился: из мягкого, подобного чистому нефриту, благородного мужа он превратился в одержимого боями, холодного и молчаливого одиночку. Это в точности совпадало с пророчеством о разрыве всех связей, что крайне встревожило Лу Вана. Опасаясь за своего младшего ученика, оставшегося в одиночестве на Юйшане, он написал письмо с приказом укрыться в Персиковом источнике.

Хотя в этой истории было полно странностей: во-первых, когда учитель уходил, он предрек ему счастливое будущее, поэтому и оставил на горе, так почему же после спуска вдруг решил отправить его в убежище? Во-вторых, в письме ни слова не говорилось о том, где сейчас находится сам учитель, а обрывки Свитка Небесного Замысла вдруг оказались у подножия Юйшаня — всё это выглядело крайне подозрительно.

И всё же следовать указаниям письма было лучшим решением. Хижина на горе, скорее всего, была уничтожена наводнением, да и по округе мог рыскать тот самый злодей — главный герой. Поэтому Цзи Цайсюэ покинул Юйшань и, воспользовавшись красной печатью из письма, сел на корабль до Персикового источника. Спустя полтора месяца пути по реке Байчуань он наконец добрался до цели.

Вот только хозяйка Персикового источника, его наставница Е Янь, месяц назад уехала на север, в зону бедствия, и до сих пор не вернулась. А управлял всем в ее отсутствие Шэнь Хань, также прибывший из мира совершенствующихся.

От него Цзи Цайсюэ узнал, что с момента финала «Видения Небесного Замысла» — той самой войны трех миров — прошло три тысячи лет. Все великие мастера тех времен погибли либо во время битвы, либо вскоре после нее, включая главного героя Гуань Чжигэ и известного мужского персонажа Цзян Чжаохая.

Если это так, то кто же тогда разорвал Свиток Небесного Замысла?

Неужели Гуань Чжигэ не погиб, а переродился? Или же он попал в фанфик по мотивам книги, где сюжет был изменен до неузнаваемости?

Даже если в душе у него роились вопросы, в этом мире никто не мог дать на них ответы. Но наставница и Шэнь Хань, как местные жители, были куда осведомленнее его самого — игрока, имеющего на руках лишь примерный гайд. Он рассказал Шэнь Ханю обо всем, что произошло на горе, включая находку свитка, и тот написал письмо Е Янь. На пересылку ушло еще полмесяца.

Цзи Цайсюэ вытряхнул из тубуса письмо, следом выпала красная нить. Он покосился на Шэнь Ханя, посчитав, что тот совершил совершенно лишнее действие, вложив письмо обратно в тубус после того, как уже его прочитал.

Шэнь Хань явно заметил этот взгляд. Его теплое дыхание коснулось шеи юноши, отчего тот напрягся и поспешил заговорить первым:

— Я проголодался, пойду позавтракаю.

— Чуть не забыл, вы же еще не достигли стадии неуязвимости, — усмехнулся Шэнь Хань. Этот переменчивый человек вдруг встал и размял шею. — Посиди здесь, я вернусь через четверть часа.

Даже для пришельца из мира бессмертных магия в мире людей была ограничена: стоило применить что-то сильнее — и небесное правосудие не заставило бы себя ждать. Поэтому Цзи Цайсюэ, к сожалению, не довелось полюбоваться заклинанием перемещения. Лишь когда фигура Шэнь Ханя растворилась в воздухе, он потянулся, открыл окно и расправил одеяло, чтобы проветрить комнату. Он уже собирался сесть за письмо, как вдруг услышал быстрые шаги. Выглянув, он увидел одного из немногих знакомых в Персиковом источнике — лодочника Чжао Цзю, который когда-то привез его сюда.

Чжао Цзю... Разве он не работал только в восточной части, перевоза совершенствующихся? Почему он оказался в самом центре?

Он понял, что Чжао Цзю тоже его заметил, но тот не произнес ни слова приветствия. Тягостное молчание усилило нехорошее предчувствие. По мере того как мужчина приближался, Цзи Цайсюэ разглядел его мертвенно-бледное лицо.

Не раздумывая, он потянулся, чтобы захлопнуть дверь, но не успел: мимо уха пронесся порыв ветра, а запястье пронзила острая боль. Он успел лишь широко распахнуть глаза, не в силах поверить, что человек, только что стоявший вдали, уже оказался прямо перед ним.

— Настав...

Слишком холодно.

Ледяной воздух проникал сквозь тонкую одежду, безжалостно сковывая дрожащее тело. Кристаллы инея налипли на ресницы, а дыхание едва улавливалось, поглощаемое снежной бурей.

Его сознание, как и поле зрения, стало пустым. В глубине великих гор у слабого ребенка не было шансов выжить. Режущий, словно лезвие, ветер выдул последние крупинки жизни. Пальцы, что прежде были сжаты в кулаки, бессильно разжались, как сухие ветки.

Я скоро умру.

Подумал он.

Как же мучительно.

В полузабытье до него дошло: он боится не самой смерти, а боли. Он перестал прятаться в зарослях и начал медленно ползти наружу, на открытое место, надеясь хоть немного сократить срок этой пытки.

Он выполз на заросшую тропинку — след человеческого присутствия. Когда-то он прошел по ней долгий путь, но теперь, упав здесь, он не встретил ни души, ни единого жилья.

Он умрет здесь, посреди дороги. Может быть, когда снег прекратится, кто-то его найдет. Так холодно, наверняка тело не успеет сильно разложиться...

В прошлой жизни он вроде бы не совершал тяжких грехов, так за что небо так карает его, заставляя умереть сразу же после перерождения?

Скорее бы всё закончилось. Умереть, выпить суп Мэн По и забыть весь этот кошмар.

Глубокая усталость окутала его, и в шаге от вечного сна он вдруг ощутил тепло, подобное весеннему ветру, к которому он потянулся, словно птенец.

— И всё же ты еще жив...

Как и любой, кто замерзает в снегах, он инстинктивно прижался к источнику тепла.

— Раз так, я заберу тебя с собой.

С этими словами поток тепла хлынул в его сознание прямо из точки между бровей. Иней на ресницах мгновенно растаял, и перед ним предстал юноша с лицом, подобным нефриту.

Какой красивый.

Подумал он. Его маленькое тельце заключили в объятия, он уткнулся озябшим лицом в чужую шею и, подняв глаза, увидел рассыпавшиеся по плечам волосы.

Это мой спаситель.

Он выдохнул горячий воздух, который превратился в белое облако пара, и вместе со слезами облегчения затуманил его взор.

Юноша посмотрел на него сверху вниз, в его глазах плескалась весенняя вода. Затем его спокойное, ясное чело вдруг исказилось, фигура стала меняться, черты лица стали

одновременно знакомыми и чужими. Теплая весна внезапно сменилась снегом, отчего его пробрала дрожь.

Пробившись сквозь туман воспоминаний, Цзи Цайсюэ закусил губу, глядя на мужчину, сжимающего его запястье. Он подумал:

Это не мой старший брат.

В красивых персиковых глазах он увидел свое отражение, залитое глубоким алым цветом. Это была кровь.

Звук упавшего тяжелого тела заставил его лицо стать еще бледнее. Он замедлил дыхание, стараясь не выдать охвативший его ужас. Он отвел взгляд, не желая больше смотреть в те темно-красные глаза. В них не было ни капли человеческого тепла — лишь пустота, доказывающая, насколько этот человек равнодушен, даже если он только что разрубил живого человека пополам.

Его старший брат был изящным благородным мужем, а не кровожадным демоном.

— Кто ты...

— Нефритовый Асура.

<http://bllate.org/book/18928/1852091>